

Б.Х. Бгажноков

СТАРШИНСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АДЫГСКИХ НАРОДОВ*

Морально-правовой иммунитет старших – *нэхъыжьым* и *нэмыс*

В современном постиндустриальном обществе уважение старших воспринимается как естественное нравственное чувство, показатель элементарной воспитанности и вежливости. Однако в традиционном обществе и, в частности, в феодальной Черкесии, почитание старших рассматривалось, кроме того, и в качестве важной составной части обычного права. Без учета данного обстоятельства невозможно получить полного представления о социальной организации адыгских народов. Принцип почитания старших был не только моральным, но и правовым и тем самым оказывал заметное влияние как на нравственную (этикетную) культуру адыгского общества, так и на правовую. Преимущество в возрасте почти автоматически «снабжало» человека четко установленным морально-правовым иммунитетом.

Обращая на это внимание, немецкий естествоиспытатель К. Кох писал: «В то время как у нас, к сожалению, государство очень редко берет под защиту стариков и они полностью зависят от молодого поколения, у черкесов они пользуются всеобщим почтением. Тот, кто оскорбил старика или пожилую женщину, подвергается не только всеобщему презрению, но его поступок обсуждается народным собранием, и он несет кару в зависимости от величины проступка»¹. Действительно, человек, грубо, непочтительно обратившийся к старшим, мог быть сурово наказан – вплоть до остракизма.

В семье и шире – в составе фамилии, соседской общины, рода старший мужчина (*тхамлада*) пользовался непререкаемым авторитетом. Без его участия и совета не решался практически ни один важный вопрос: свадьба, похороны, поминки и т.п. На собраниях он восседал на почетном месте – по правую сторону от очага. Если состояние здоровья «патриарха» не позволяло ему принять участие в том или ином мероприятии, его тем не менее держали в курсе всех дел. После праздничного пира или поминального обеда ему приносили самые лучшие кушанья, в том числе отборные, специально выделенные куски пожертвованного животного.

Немалым авторитетом пользовалась в семье старшая женщина – *унэ гуацэ* (княгиня дома). «Княгиня дома» была главой женской половины семьи, хранительницей огня и запасов пищи. При заселении нового дома она разводила в нем новый огонь И в обыденной жизни, как отмечают авторы, в частности Г.Х. Мамбетов, именно она разводила огонь в очаге, помешивала пищу в котле, руководила приготовлением еды. Старшая женщина подчинялась мужу, оказывала ему установленные обычаем знаки внимания и покорности, но фактически большинством дел в семье управляла именно жена, а не муж, и в этом смысле ее положение было сходным с положением женщины в традиционной японской семье. К этому нужно добавить, что традиции семьи позволяли старшей женщине более тесно и непринужденно общаться с подчиненными ей домочадцами. Как правило, именно к ней обращались они за советом, с жалобой, просьбой².

С почитанием старших был связан культ предков. Каждый обязан был с большими почестями предать земле прах своих родителей и близких, бережно хранить память о жизни и деяниях отцов. Обязательным считалось знать имена своих предков (по отцовской линии) как минимум до седьмого колена – *адэцубл*, *лэтэхьэгъуибл*. Без этого человек считался не вполне полноценным и надежным – «безродным», его не

* Адыги – собирательное название адыгейцев, кабардинцев и черкесов. В прошлом для обозначения всех адыгов применялся этноним черкесы, а территория их расселения зачастую называлась Черкесией.

допускали даже к исполнению роли присяжного свидетеля на суде – *тхьэрылуэ щыхьэт*.

В повседневном быту действовали и отчасти действуют по сей день разнообразные нормы и ограничения, призванные отобразить подчеркнуто уважительное отношение к старшим. Например, младший обязан встать, когда в комнату входит старший. В пути он уступает ему правую почетную сторону, за накрытым столом – удобное место, наиболее отдаленное от входной двери. Запрещается сказать старшему, что он не прав или говорит неправду. Не полагается пересекать ему дорогу, вторгаться в его «личное пространство» – *пащхэ*, называть его стариком или старухой (*лыжь*, *фызыжь*) и т.д. Просьбу старшего необходимо выполнять беспрекословно. В ответ на его обращение неприлично сказать «некогда», «не могу», «не хочу», «сейчас, сейчас подам» и т.п.

Перед старшим нельзя стоять или сидеть в расслабленной позе, развалившись, широко расставив ноги, скрестив на груди руки, уперев их в бока или держа в карманах, повернувшись спиной, категорически запрещается курить.

Нельзя окликать старшего. Рекомендуются догнать его и, поравнявшись, почти-тельно обратиться. Отсюда две формулы, по-разному отображающие данное правило: *нэхьыжьым кэлъыджэркъым, кэлъоклуэ* – «старшего не окликают, его догоняют»; *къоджэр нэхьыжьыц* – «тот, кто тебя окликает, тот (стало быть) старше». В дополнение к этому запрещается подходить к старшим, которые, уединившись, беседуют. Неприлично вторгаться в разговор старших, обрывать их на полуслове, перебивать. Обычно, если младший хочет что-то сказать, подключившись к беседе старших, он предварительно извиняется в самых изысканных выражениях.

Принцип почитания старших определяет порядок рассаживания за столом большой группы лиц. Сначала самое почетное место (обычно наиболее удаленное от двери) занимает старший, затем в порядке «убывания» возраста садятся один за другим все остальные³. При этом возникает часто некоторая заминка: каждый соизмеряет свой возраст с возрастом присутствующих, опасаясь занять место, не соответствующее его возрасту и рангу.

Многие типовые стандарты речи имеют вариант или несколько вариантов, символизирующих особое, сверхпочтительное отношение к старшему. Например, обычная форма выражения благодарности – *упсэу* («здравствуй») не может быть использована по отношению к пожилому человеку. Для этого существуют специальные вежливо-почтительные формы: *жьыщхэ махуэ ухъу* («старцем счастливым будь»), *жьыщхэ махуэ тхьэж Тхьэм уиц!* («старцем счастливым, благоденствующим Бог тебя да сделает»).

Специально выделяются обращения к старшим. Обращаясь к старику, говорят: *уа, тхьэмадэ!* («тамада») или *уа, нэхьыжь* («старший»). К пожилым мужчинам и женщинам обращаются часто как к отцам и матерям: *дъядэ* («наш отец»), *дъянэ* («наша мать»). Если старший мужчина еще не стар, часто используют вокатив: *уа, шы нэхьыжь* («наш старший брат»). В то же время в разговоре со старшим, как было отмечено, категорически запрещается употребление слов или обращений типа «старик» – *лыжь*, «старуха» – *фызыжь*, что полностью соответствует аналогичным правилам китайского этикета⁴.

Неприлично обременять старших какими-то поручениями. Запрещается даже сказать, чтобы пожилой старший передал кому-либо традиционный мусульманский привет (*сэлам схухьыж*). Говорят, что тем самым младший создает для него лишние хлопоты⁵. Приличней в таких случаях использовать менее обязывающее выражение: *схуиц!эуиц!эж* (букв. «от моего имени справься о нем») или *сызэрыц!эуиц!эж схужелэж* («передай ему, что я о нем справлялся»).

С почитанием старших и высокой значимостью общемусульманской приветственной формулы (*сэлам алейкум*) связаны также и некоторые другие ограничения. Так, молодым людям, подросткам не рекомендуется использовать данную формулу для приветствия пожилых людей. Взамен этого желательно применять общеадыгские при-

ветственные формулы типа: *дауэ уцымт* («как поживаете»), *уи махуэ фЫуэ* («добрый день»).

Эти и многие другие правила и ограничения были и остаются неотъемлемой частью адыгского этикета, приобретаая характер привычных, устойчивых форм поведения. В то же время нельзя не заметить, что некоторые из них особенно оригинальны и демонстрируют своего рода сверхпочтительность и сверхвоспитанность. Например, проявлением изысканной вежливости считалось встать, когда уважаемый старший пьет воду или в том случае, если в разговоре называют имя какого-либо почтенного старца или предка. Невестка вставала или приподнималась со своего места не только при упоминании имени свекра, но даже при виде его в окно⁶. Мне не раз приходилось наблюдать, как женщины почтительно встают, когда кто-либо называет имя давно умершего свекра⁷.

Чтобы еще больше подчеркнуть уважительное отношение к старшим, в различных областях Черкесии действовали специальные нормы, неизвестные в других местах. Например, в некоторых селах Восточной Кабарды общее правило, гласящее, что в пути правая почетная сторона остается за старшим, дополнялось нормой, согласно которой одинокий путник держался левой обочины дороги, символически уступая правую почетную сторону своему отцу, если он был еще жив⁸. По тем же причинам, т.е. отдавая дань уважения здравствующему отцу, глава застолья (*тхамата*) отказывался исполнить почетный для него ритуал дележа правой половины бараньей головы – *цхьэццылъэныкъуэ*⁹.

Суммируя все сказанное, отметим, что в системе адыгского этикета множество ярких и самобытных норм призваны поддержать высокий авторитет старших, их морально-правовой иммунитет. Благодаря этим правилам, старшие выделялись и выделяются из общей массы населения как объекты особенно уважительного, сверхпочтительного отношения и оказываются в итоге в специально для них созданной благоприятной, комфортной психологической среде и атмосфере.

Определение старшинства

Возрастные роли, как мы убедились, занимали и занимают важное место в регуляции повседневных связей и отношений адыгского общества. Это сразу бросалось в глаза и стало общим местом в описаниях черкесского быта. Например, русский офицер Ф. Торнау, два года (1836–1838) находившийся в плену у закубанских кабардинцев, писал: «Лета ставятся у горцев в общежитии выше звания. Молодой человек самого высокого происхождения обязан вставать перед каждым стариком, не спрашивая его имени, уступать ему место, не садиться без его позволения, молчать перед ним, кротко и почтительно отвечать на его вопросы. Каждая услуга, оказанная седине, ставится молодому человеку в честь. Даже старый невольник не совсем исключен из этого правила»¹⁰.

Но это, надо заметить, лишь общее правило. Классовое деление адыгского общества вносило в него свои коррективы. Например, в Кабарде безусого князя или дворянина сажали на почетное место, в то время как присутствующие при этом крестьяне, даже старики, обязаны были почтительно стоять, выполняя роль так называемых шагарытов (*цхьэггэрывт*), традиционно закрепленную за младшими по возрасту. Встретившись с князем где-нибудь в пути, крестьянин независимо от возраста обязан был спешиться, «оказывая знаки внимания сану его»¹¹. Сверх этого, ему полагалось следовать за князем до тех пор, пока тот его не отпустит. Этот обычай, известный в народе под названием *шудэгъазэ* (букв. «следование за всадником»), выполнялся традиционно младшим по возрасту всадником по отношению к старшему по возрасту. В новой редакции, когда за феодалом обязаны были следовать все встречные (независимо от возраста), стоявшие ниже на иерархической лестнице, обычай *шудэгъазэ* получает другое наименование – *пцъыдэгъазэ*, что означает: «[обычай] следования за князем».

Показательно, что данное правило включалось в число норм обычного права. В «Выписке о привилегированных сословиях Кабарды», составленной в 1872 г., имеются точные указания на этот счет: «Всякий верховой кабардинец при встрече с князем в поле обязан вернуться назад и провожать его до тех пор, пока не будет им отпущен»¹².

Принцип почитания старших, как видно из этих примеров, был приспособлен к условиям и отношениям феодального общества. Крестьяне обязаны были оказывать князьям и дворянам такие почести и знаки внимания, которых по традиции удостоивались только старшие по возрасту – *нэхъыжь*¹³.

Разумеется, князь считался старшим и по отношению к дворянам, что также закреплялось в соответствующих нормах этикета. Например, в пути слева и справа от него располагались по одному дворянину, а позицию в центре, традиционно отводимую старшему по возрасту, занимал он сам. В указанном выше документе есть подробное описание данного правила: «Окружающие князя при следовании сего последнего верхом или пешком размещаются следующим образом: почетный ворк (дворянин – Б.Б.) с левой стороны князя, другой ворк, по летам или званию своему следующий за первым, – с правой стороны его; остальные размещаются сзади и по сторонам по своему усмотрению»¹⁴.

В феодальной иерархии западных адыгов самыми старшими, пользовавшимися особыми знаками внимания, считались так называемые *хануко* – адыгские феодалы из династии Гирей, являвшиеся потомками крымских ханов, поэтому в помещении князь мог сесть лишь после хануко, с его разрешения. Дж. Белл наблюдал, как во время многолюдного собрания под открытым небом сначала опускались на землю хануко, затем князья, дворяне и в последнюю очередь крестьяне. Еще одно преимущество хануко состояло в том, что в кунацких им подкладывали под спину три подушечки, а князьям только две.

Своеобразие подобных правил очевидно. Они были введены и действовали, несмотря на то, что адыгское право ставило хануко ниже князей, причисляя их к рангу (или сословию) первостепенных или «больших дворян» – *уэркъышхуэ*. Это одно из свидетельств относительной самостоятельности двух субсистем кодекса *Адыгэ хабзэ* – правовой и этикетной. Это обстоятельство остается, к сожалению, вне поля зрения наших этнологов.

Содержание термина *нэхъыжь* было гораздо шире, чем понятие «старший по возрасту», включало и некоторые другие соображения и признаки. Например, среди группы чабанов, отправлявшихся на летние пастбища, старшим признавался или избирался наиболее мудрый, опытный и предприимчивый чабан – *лэгъуэжь*, который по возрасту мог быть и не самым старшим. Сельские муллы также считались «старшими» по отношению к своей пастве независимо от их возраста. Во время крупных сражений и походов командование войском возлагалось на одного из самых опытных в военном деле князей, не обязательно на старшего по возрасту.

Хорошо известно также, что в общественном быту женщина считалась «старшей» по отношению к мужчине и в связи с этим обычно говорят: *цыхубзыр цытын пицантлэм дэсым нэхъыццэц, пицантлэм удэклам ар сьт хуэдэ црехъу – нэхъыжьу хуейц* («женщина в доме младше /мужчины/, за пределами дома она, кем бы вам ни приходилась, должна быть старшей»)¹⁵. При этом речь идет, конечно, о старшинстве в смысле оказания различных знаков внимания. К примеру, если мужчина входит в дом, то сначала он здоровается с мужем (мужчинами), а затем с женой (женщинами). За пределами дома или семьи порядок меняется – первенство отдается женщинам. Обращая на это внимание, К. Кох с удивлением рассказывает о том, как натухайский князь Индароко, выйдя с сыном к гостям «приветствовал, как галантный черкес, сначала женщин»¹⁶. Очевидно, что эти правила сформировались и действовали в рамках относительно развитой рыцарской культуры.

«Старшим» является независимо от возраста гость по отношению к хозяину. Отсюда известные всем мнемонические правила: *хьэццэ цлалэ цыцэкъым* («гость не

может быть младшим»); *хъэцлэр нэхъыжыц* («гость всегда старше»). Это значит, что ему оказывают некоторые почести и знаки внимания, которых в других условиях он мог бы и не удостоиться. Например, сажают на почетное место, в пути уступают почетную позицию справа и т.д. В этнографических экспедициях я неоднократно испытал это на самом себе в контактах с пожилыми людьми. Однажды в ауле Егерухай, что в Адыгее, меня провожал до автобуса 75-летний Хажидрис Хаужев. В пути он сразу занял позицию так, что я оказался справа от него. Когда же я попытался обойти его сзади и пристроиться слева, он мягко, но настойчиво сказал: «Стой справа, все видят, что ты гость, люди меня осудят, если я нарушу правила обхождения с гостем».

Определение старшинства было обусловлено и некоторыми этногеографическими представлениями. Гость, прибывший со стороны *ипцэ*, т.е. с верховьев реки, считался «старшим» и более почетным, чем гость с низовьев реки – *ипцхэрэ* (*ыхэ*). Аналогично этому при встрече в пути идущий вверх, в сторону ипцэ был признан старшим по отношению к идущему вниз, поэтому последний обязан был приветствовать первого, а тот только ответить на это приветствие. *Сэламыр ипцэклэ дэхъеин хуейц*, – говорят в связи с этим кабардинцы, что означает: «Салам (приветствие) необходимо "нести" вверх в сторону наибольшего почитания»¹⁷.

Внутри родственного коллектива действовали правила, которые еще больше усложняли представления о старшем. Например, из двух двоюродных братьев старшим, независимо от его возраста, считался тот, чей отец старше. Старшей из невесток была признана опять-таки жена старшего брата, хотя фактически она могла быть и младше других невесток¹⁸. Любопытно, что у кабардинцев этот принцип оказывал определенное воздействие на избрание верховного князя Кабарды – *пцышхуэ*, *пцым* я *пцыж*. При прочих равных условиях княжеский совет (*пцызылуцлэ*), собравшийся для избрания правителя Кабарды, отдавал предпочтение князю, отец которого был старше, чем отцы других претендентов на престол.

Не меньший интерес представляет традиция, согласно которой родственники по материнской линии – *анэш* считались старше родственников по отцовской линии – *адэш*, *унэкъуэц*. «Вопреки обычая подчинения старшему, – пишет в данной связи С. Киржинов, – существовал обычай, когда старший мужчина всегда уступал свое место младшему. Это бывало в том случае, когда последний принадлежал к роду его матери»¹⁹. Речь идет, как можно понять, о преимуществах *анэш* в смысле оказания им некоторых знаков внимания.

Добавим ко всему сказанному, что серьезные изменения претерпело понятие о старшем после Кавказской войны под влиянием царской администрации и позже – тоталитарного советского режима. Авторитет назначаемых сверху «старших» – сельских старшин, а затем секретарей обкомов и райкомов, председателей колхозов и сельских советов, разного рода парторгов, профоргов держался во многом на страхе и принуждении, а не только на возрасте, богатом профессиональном жизненном опыте или высоких моральных качествах должностного лица. Люди были вынуждены почти беспрекословно подчиняться таким руководителям, несмотря на то, что некоторые из них и в малой степени не отвечали традиционным представлениям о старшем. Именно в этот период в среде барствующего начальства родилось циничное выражение: *баи ягъувам уедэлэуэц* («поставят над тобой кол, будешь и кол слушать»). Данная формула вошла автоматически и в лексикон современных руководителей наряду с новейшими оборотами типа «в период разгула демократии», что отражает, как я понимаю, сложившуюся в российском, и в том числе адыгском, обществе порочную практику нефеодалных, корпоративных отношений, чиновничьего произвола и деспотизма.

Все это вместе взятое позволяет понять, насколько сложен и неоднозначен рассматриваемый нами культурный комплекс. На мой взгляд, особенно важен в данной связи вопрос об истоках, первоначальных функциях и гуманистических основаниях почитания старших. Об этом и пойдет речь в дальнейшем.

В этнографии конца XIX в. широкое распространение получило мнение, что традиция почитания старших связана исторически с патриархальным устройством древнего общества, с характерным для него полным подчинением населения власти и влиянию старейшин и стариков. Э. Фрэзер ввел в научный обиход специальное обозначение данной формы правления – геронтократия (букв. «стариковластие»)²⁰. Вслед за ним в таком же значении употребляли данный термин многие другие, в том числе и отечественные этнологи²¹.

В настоящее время уже редко говорят о геронтократии в чистом виде. Однако и отрицать этот культурный феномен мы не вправе, так как его элементы или проявления отмечены во многих концах земного шара. В какой-то мере они давали о себе знать и в феодальной Черкессии, особенно у народностей с так называемым демократическим правлением, где власть феодалов была ограничена, а крестьяне пользовались большой, практически полной свободой. К примеру, у субэтнических групп адыгов – шапсугов и нутхайцев, (если верить сообщениям Т. Лапинского) главным условием, обеспечивавшим место и голос в совете старейшин, были прежде всего «преклонный и богатый опытом возраст»²². В другом месте читаем: «Старшие из среды народа – судьи, вожди и советчики, их называют тамада. Эта должность не выборная и не наследственная»²³.

Конечно, Т. Лапинский сильно преувеличил значение геронтократии в социальном устройстве адыгов. Любопытно, однако, другое: согласно фольклорным данным, было время, когда у адыгов старики вообще не пользовались почетом, а всем одряхлевшие умерщвлялись и отсюда устойчивое выражение *нэжь лужь укълъж*, служившее обозначением ритуальных убийств старцев. Согласно некоторым преданиям, нарты убивали их, забрасывая камнями²⁴. По другим данным, старых и ставших немощными людей сбрасывали со скалы. Горные шапсуги указывают даже конкретно на одну из таких скал близ аула Къалэжь. Нависающая над речкой Аше, она известна всем под названием Жъыгъэыбг – «Старцев скала».

Не исключено, что умерщвлению стариков предшествовали специальные обряды и ритуалы и в этой связи особенно примечательны так называемые «колыбельные для старцев», описанные З.М. Налоевым. Суть обряда состоит, по преданиям, в том, что невестка укладывает в колыбель старого немощного свекра и поет ему «колыбельную», в которой изображает его жалким, смешным, пророчит скорую смерть от рук соплеменников. «Невестка, поющая колыбельную, – подчеркивает З.М. Налоев, – относится к нему с явным неуважением и пренебрежением, повторяя как припев: «Твой труп мерзкий отсюда да вынесут, дада!»²⁵.

О том, что геронтократию и сопутствующую ей традицию уважения старших нельзя считать исторически исходной для человечества, свидетельствуют данные о других народах в разных концах мира. У гиляков, – пишет Л.Я. Штернберг, – «подростки 10–12 лет чувствуют себя совершенно равноправными членами общества. Самые глубокие и почтенные старцы с самым серьезным вниманием выслушивают их реплики, отвечают им с такой же серьезностью и вежливостью, как своим собственным сверстникам. Никто не чувствует ни разницы лет, ни положений»²⁶. На отсутствие у многих народов мира каких-либо признаков сыновнего послушания указывает Н.И. Зибер²⁷, считая, что на ранних этапах развития общества идея почитания старших вообще отсутствовала. По мнению В.А. Гордлевского, совершенно очевидно, что на заре истории старики не пользовались почетом.

Я уже не говорю здесь о том, что обычаем умерщвления стариков был отмечен в разное время не только у адыгов, но и у многих других народов: эрулы сжигали свою жертву²⁸, скифы сбрасывали с моста²⁹, фиджийцы предоставляли выбор быть задушенными или погребенными заживо³⁰, украинцы, привязав к лубку, спускали в глубокий овраг, либо топили или оставляли на произвол судьбы в дремучем лесу³¹.

Таким образом, у адыгов, как и у других народов, почитание старших явилось ито-

гом длительного и сложного процесса развития социальных, морально-правовых институтов. В любом случае этот культурный комплекс выходит за пределы простой вежливости, равным образом его нельзя признать простым реликтом древней геронтократии. Постоянно изменяясь и наполняясь новым содержанием, принцип почитания старших стал выражением сложных иерархических отношений в обществе, способом поддержания социального порядка, внутреннего единства и целостности этнического социума. Не зря в этом духе объясняют исчезновение обычая умерщвления стариков. Согласно адыгским преданиям, корзина со старцем, которую, следуя традиции, сбросил со скалы его сын, зацепилась за куст. И тогда он, решив сохранить отцу жизнь, стал держать его у себя тайно. Вслед за этим в общине происходят разного рода стихийные и другие бедствия, и каждый раз старик подсказывает сыну как их преодолеть или избежать. В конце концов жители узнают, что своим спасением они обязаны мудрости уцелевшего старца и принимают решение впредь не только не убивать стариков, но и всячески заботиться о продлении их жизни, окружив вниманием и почетом.

Уважение старших и сыновнее послушание становятся, кроме того, составной частью религиозной этики. Уже в рамках языческой религии формируется убеждение в том, что за нарушение принципа почитания старших младшие будут наказаны богами языческого пантеона. Очень показателен в этом отношении рассказ, записанный М. Рижским у шапсугов: «Два черкеса пасли скот; один из них был старик, другой юноша. Разразилась гроза. Пастухи спрятались под священным дубом, находившимся поблизости, чтобы пережить ненастье. Однако нужно было время от времени поглядывать на стадо, и старик посылал для этого молодого черкеса. Два раза тот ходил, а на третий день отказался, предложив старику самому сходить. В ту же минуту ударила молния и убила непочтительного юношу»³².

Принципиальное значение имеет, конечно, мотивация почитания старших. По адыгским понятиям, старшие – хранители и трансляторы социокультурной информации, многовекового опыта взаимодействия с миром, поэтому их положение сравнимо во многом с положением браминов в Индии. Это люди знания, благодаря которым общество сохраняет необходимое равновесие социальных техник, не впадая в хаос беспамятства и невежества. Они являются субъектами социального контроля, духовными опорами и столпами общества.

Вот почему семья и любая другая группа, в которой нет представителя старшего поколения, способного соответствующим образом организовать и направить младших, считается не вполне полноценной и жизнестойкой. И, напротив, присутствие в группе уважаемого, мудрого старшего воспринимается как гарант ее успешности. Общее мнение на этот счет отображено в устойчивом выражении: «Лучше со старцем жить, чем жить в золоте» (*дыщэм хэс нэхърэ лъыжь*).

Вместе с тем постоянно подчеркивается, что младшие должны прислушиваться к мнению и советам старших, четко выполнять их указания. Такого, как полагают, важное условие достижения групповых и личных целей, ср.: *Зи нэхъыжь едалуэ и луэху мэклуатэ* («тот преуспевает в делах, кто слушает / слушается/ старших».

Отсюда соответствующее отношение к случаям, когда младшие выходят из повиновения старших, разрушают их авторитет и этический иммунитет. Это считается большой бедой, тревожным сигналом расстройств внутренних связей и отношений в группе. Существует твердое убеждение, что такое состояние ведет в конечном итоге к неудачам в делах; не зря о группе, в которой нет согласия и порядка, говорят: «*нэхъыжь нэхъыщцэ ялэкъым*» («нет у них ни старших, ни младших»). Точно так же и по такому же поводу высказываются, кстати, и в Японии. «Когда японец говорит о неразберихе, – пишет В. Овчинников, – он выражает ее словами: "ни старшего, ни младшего". Без четкой субординации он не мыслит себе гармонии общественных отношений»³³.

Разумеется, все это нельзя понимать упрощенно, как необходимость полного и абсолютного подчинения воле старшего. Адыгский этикет, как и японский, исключает такую крайность и односторонность. Поэтому старшие, будучи строги с младшими,

тем не менее уважают их, ценят за ум, находчивость, энергию и в свою очередь также прислушиваются к мнению молодых. Обычно в связи с этим говорят: «Яйцо умней курицы, давайте послушаем младшего». В интересах дела старший обязан полагаться во многом на наиболее способных младших и высоко оценивать их труд и вклад в общее дело. Если же он излишне придирчив, ревнив, препятствует успехам и продвижению младших, его считают недостаточно благородным и умным человеком. Общее мнение таково, что амбициозный, злобредный старший не заслуживает того уважения, на которое он мог бы рассчитывать благодаря преклонному возрасту.

Таким образом, почтительное отношение к старшим не исключает самостоятельности в принятии решений, необходимости и права иметь и отстаивать собственное мнение, но точку зрения старшего полагается выслушать с большим вниманием и благодарностью. Советы и указания старших необходимо учитывать в любом случае, воспринимая это как условие успешного взаимодействия с миром.

Роль старшего, как мы видим, в целом достаточно сложна. Безусловно, она дает определенные гарантии всеобщего уважения, покоя, уюта, но одновременно предполагает постоянную работу по созданию и сохранению оптимальных связей и отношений в обществе. Это трудное искусство бытия в мире, обретения в нем соответствующего места и предназначения. Старшинство, кроме всего прочего, ко многому обязывает и на этом необходимо остановиться более подробно.

Старшинство как социальная обязанность

Старшее поколение находится в гуще информационных связей традиционного общества, поэтому на его плечи ложится и основная доля ответственности за состояние социума. Общая и главная обязанность старших – поддерживать социальный порядок, преемственность социальных практик.

Этим объясняется повышенная социальная включенность и активность пожилых людей и в целом всех, кто исполняет в той или иной ситуации роль старшего. Даже в быту они не вправе пройти мимо каких-либо нарушений порядка: пьянство, злословие, курение, неопрятность в одежде, воровство, жульничество, грубость и фамильярность в обращении с женщинами и т.д. В таких случаях старший обязан спокойно, деликатно вмешаться в происходящее, пристыдить, урезонить нарушителей порядка. Иногда, узнав имя и фамилию провинившегося подростка, он сообщал об этом его родителям или старшему брату, ненавязчиво напоминая тем самым, что значительная часть вины за проступки детей лежит на старших в семье. Никто не считал это вмешательством в чужие дела. Общество не только санкционировало подобные действия старших, но и более того – вменяло им в долг.

На этой почве возникают соотносенные со старшинством ролевые экспектации или ожидания. Если в группе есть избранный, признанный его членами или назначенный старший, то от него ожидают соответствующей активности по поддержанию порядка. Это, иначе говоря, большая ответственность. Когда в присутствии старшего, при его, как говорят, прямом или косвенном попустительстве младший ведет себя неприлично, совершает какие-либо аморальные и противоправные поступки, за это осуждают в не меньшей, а иногда и в большей степени именно старшего. Считается, что он не вправе допустить, проглядеть, оставить без внимания происходящее у него на глазах нарушение общественного порядка. Существует твердое убеждение, что в конечном итоге за поведение младших и за состояние общества в целом в ответе старшие. Отсюда известное выражение: *нэхъыжь мѣуцъыкъынлэц* («на старших лежит бремя ответственности»); в данном случае предполагается ответственность за социальный порядок.

Ясно, что при этом имеют в виду не только старших по возрасту, но и старших по чину, по должности, по званию, т.е. всех, от кого в наибольшей степени зависит состояние дел в обществе. Наделяя старших большими правами, окружая их почетом,

общество в то же время многого ожидает от них и строго спрашивает за промахи и ошибки.

Памятуя об ответственности перед обществом, старшие должны заботиться о своей репутации, культивировать в себе ответственное и разумное отношение к возложенным на них социальным обязанностям. Я уже говорил, что это требует большого искусства и ума и прежде всего так называемого «искусства находиться среди людей» (*цыху хэтыклэ*). К примеру, для старшего очень важно сохранять разумную психологическую дистанцию в отношениях с подчиненными младшими. Он не должен вести себя с ними излишне просто, фамильярно, развязно, проводя и допуская такое же отношение к самому себе или к другим старшим. Ответственность и вина за распущенность младших ложится всегда и во многом на старших. Если в группе кто-либо ведет себя развязно, много и громко говорит, смеется, хохочет, нецензурно выражается, в первую очередь винят в этом присутствующего старшего, напоминая ему известное правило: *нахъыжь нахъыццэ* («старший не вправе допускать, чтобы у младших языки развязались»).

Сложилось мнение, что спокойная уверенность, некоторая отстраненность и суровость старшего оказывают дисциплинирующее воздействие на младших, внушают им боязнь потерять лицо, заслужить упрек в несоблюдении правил приличия. Обычно о таком старшем говорят: *фэллыкI улэц*, что означает «внушает уважение и страх», понимая под этим испытываемый младшими этический страх. В этом контексте слово фэллыкI ассоциируется с необходимостью считаться с присутствием и мнением старшего, с его возрастом и богатым жизненным опытом.

Конечно, в стремлении показать свою социальную значимость старшему необходимо знать меру. Иначе он может произвести впечатление излишне самонадеянного напыщенного человека, осложняя тем самым исполнение возложенных на него обязанностей. Понимая это, старший должен заботиться о том, чтобы выявить свою личность в облагороженной форме, как строгий, но в то же время справедливый, умный и обаятельный человек. Долг старшего – вызвать у окружающих уважение, основанное прежде всего на признании его высоких моральных и интеллектуальных качеств. Даже критические замечания и возмущение такой старший высказывает, как правило, в мягкой, доброжелательной иногда ироничной форме, не опускаясь до применения грубых, гневных, патетических слов и выражений.

Образцы такого поведения запечатлены в разного рода притчах, этических рассказах. Приведу один из них, очень, на мой взгляд, поучительный. Однажды к почтенному старцу подошел разбитной парень и непринужденно спросил, нет ли у него табачку. «Почему же нет, вот полный кисет, забирай целиком», – в тон ему ответил старик. «Как же так, а ты, что ты будешь курить?» – опешил парень, принимая кисет. Старик усмехнулся: «Насчет меня не беспокойся. Отныне это занятие, поставившее меня вровень с тобой, я решил бросить раз и навсегда». Тем самым он в шутливой, но предельно понятной и достаточно жесткой форме дал понять парню, что тот ведет себя неприлично, разрушает этический иммунитет старшего. Это возымело действие: окончательно смутившись, парень извинился перед старцем и вернул ему его кисет.

Суммируя все сказанное, следует подчеркнуть, что роль старших в традиционном адыгском обществе действительно сложна и ответственна. Им вменяется в долг отслеживать течение социальной жизни на предмет взаимного соответствия прошлого, настоящего и ожидаемого (желаемого) будущего, на предмет соответствия всего происходящего в обществе основополагающим принципам и установкам адыгской этики и этикета. С исполнением такой роли связаны во многом их полномочия, привилегии и авторитет.

Гуманистическое обоснование принципа почитания старших

В этом качестве на первый план выдвигаются определенные нравственные чувства и мотивы и среди них в первую очередь благодарность и сострадание.

Что касается благодарности, то здесь все достаточно ясно и понятно. В массе своей люди отчетливо сознают, насколько они обязаны старшим своим физическим и духовным бытием и развитием. Отсюда принцип сыновнего уважения, почитания и послушания, который, генерализуясь, распространяется не только на родителей, но и на все старшее поколение. Не зря у адыгов, как и повсюду на Кавказе, ко всем пожилым, даже незнакомым людям применяют обращения дядэ – «наш отец» и дьянэ – «наша мать». С большим пиететом ссылаются на авторитет отцов и дедов, используя выражение дьядэжхэр – «наши праотцы». Это дань уважения, которую отдают младшие поколения старшим, общее выражение благодарности за свое бытие: за появление на свет, за заботу отцов и матерей об их воспитании, образовании и т.д. Почитание старших – нравственный отклик младших на труд, старания и деяния тех, кто их взрастил.

Вполне понятен в данном контексте этический смысл знаков внимания, оказываемых старшим. Они, эти знаки внимания, свидетельствуют или удостоверяют, что старания старших не пропали даром, что младшие готовы воздать им должное за их труд: услужить, поддержать, помочь.

Здесь благодарность переходит естественным образом в эмпатию. Вспомним, что мы испытываем, когда старшие люди (особенно близкие друзья, родственники, родители) стареют, теряют здоровье, силы. К чувству благодарности присоединяется и становится особенно острым в подобных случаях – сострадание. Возникает потребность и готовность скрасить жизнь пожилого, часто беспомощно и неумолимо приближающегося к смерти, человека. Совершаются действия, призванные порадовать, развлечь или успокоить стариков, создать для них максимально возможный психологический комфорт и уют. Необходимо иметь в виду, что есть некоторое различие между представлением о старшем и старом человеке и соответственно – между отношением к каждой из этих позиций или ролей. В первом случае на первый план выдвигается послушание, подчинение, почтение, а во втором – сострадание, сочувствие, сопереживание. Порой очень трудно бывает разделить эти отношения: они соединяются в одном культурном комплексе, который мы называем по традиции почитанием или уважением старших.

Это, вообще говоря, целая философия, без которой трудно представить не только прошлое или настоящее, но и будущее человечества, способность культурной самоорганизации общества.

Важный вывод, который мы обязаны сделать из всего вышеизложенного состоит в том, что почитание старших и способы выражения данного принципа в нормах этикета, имеют глубокие и прочные гуманистические корни и основания. Уважение старших, вежливое и предупредительное отношение к ним – это симптомы и способы объективации признательности и эмпатии, нравственно акцентированного внимания, соучастия, сопереживания, поэтому этикет в целом и особенно в той его части, которая касается почитания старших, является не чем иным, как институтом, в котором находит свое нормативное воплощение культура благодарности и эмпатии.

Примечания

¹ Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Нальчик, 1974. С. 519.

² См. об этом: Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 299; Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 201; Мамбетов Г.Х. Некоторые традиции и обычаи кабардинцев и балкарцев, связанные с жилищем // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Вып. 4. Нальчик, 1970. С. 82–100; Смирнова Я.С. Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование // Кавказский этнографический сборник. Вып. VIII. М., 1984.

³ Такой порядок рассаживания сохраняется и действует даже в современных формальных группах, например в группе членов Ученого Совета. Однако наиболее последовательно он действует в ситуациях неформального общения, например в ситуации большого застолья, где на рассаживание уходит несколько минут. Иронизируя по этому поводу, иногда говорят: «адыгэм тлысын дымьухьурэ клуэжыгыуэр кьос» («адыги, не успеваем рассестись, как настает время расставаться»).

⁴ Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 145.

⁵ Такое объяснение связано еще и с тем обстоятельством, что послание через общемуусульманскую формулу приветствия считалось очень важным и потому налагало на старшего дополнительный груз ответственности. Общее мнение таково, что в том случае, если человек не передаст такой привет, он берет на себя грех и отсюда известное выражение: *сэламыр зепхьэну гуэньхьыц* («носить с собой салам не передавая адресату – грешно»).

⁶ Сообщение Тлягурова И.Х., 1901 г.р. г. Баксан, Кабардино-Балкария.

⁷ Я вспоминаю в данной связи один из эпизодов полевой работы в адыгейском ауле Уляп. Будучи там в семье одного из потомков героя Кавказской войны Кушука Ажгиреева, я заметил, что хозяйка дома старательно избегает в разговоре имя своего свекра и при каждом упоминании этого имени кем-либо другим из присутствующих почтительно встает.

⁸ Сообщение Мезакошева Ш.А., 1890 г.р. Ст. Черек, Кабардино-Балкария.

⁹ Сообщения Тарчокова Ф.Б., 1990 г.р., Старый Урух, Кабардино-Балкария; Тогуланова М.А., 1914 г.р., Аргудан, Кабардино-Балкария.

¹⁰ Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 10. С. 419.

¹¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1974. С. 295.

¹² Архив Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований (далее – КБИГИ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 12. С. 128.

¹³ Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 153–154.

¹⁴ Архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 12. С. 129.

¹⁵ Сообщения Кудаява К.А., 1902 г.р. Верхний Акбаш, Кабардино-Балкария; Кабардова Н.Т., 1900 г.р. Дугулубгей, Кабардино-Балкария.

¹⁶ Кох К. Указ. соч. С. 603.

¹⁷ См. об этом: Бгажинов Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С. 24.

¹⁸ Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1976. С. 70

¹⁹ Киржинов С. Система воспитания адыгов (черкесов) (историко-этнографическое исследование): Дис. канд. ист. наук. Тбилиси, 1975. С. 41.

²⁰ Фрэзер Э. Золотая ветвь. Вып. I. М., 1928. С. 78.

²¹ Краудей А.Э. Мистическая роза. СПб., 1905. С. 146; Золотарев А.М. Общественные отношения дородовой коммуны // Первобытное общество. М., 1932. С. 42.

²² Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 103.

²³ Там же. С. 102–103.

²⁴ Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 415.

²⁵ Налоев З.М. К типологии колыбельных для старцев // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Вып. 2. Майкоп, 1979. С. 81–85.

²⁶ Штернберг Л.Я. Семья и род у народов северо-восточной Азии. Л., 1933. С. 52.

²⁷ Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937. С. 255–257.

²⁸ Прокотий из Кессарии. Война с готами. М., 1950. С. 206.

²⁹ Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Вып. 2. СПб., 1906. С. 387.

³⁰ Леббок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человечества. СПб., 1896. С. 29.

³¹ Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 195.

³² Римский М. О культуре Шибле у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1940. С. 56.

³³ Овчинников В. Ветка сакуры. М., 1975. С. 60.

В.Н. В g a z h n o k o v . Seniority in Social Organisation of the Adyge Peoples

There are two categories of seniority by the Adyge peoples. The first is expressed in respectful treatment of senior persons as bearers of wisdom and guarantors of social order. A senior man in a family and a social group has been in charge of daily routine and an instructor for the younger generation; a senior woman, though subordinate to her husband, has been in charge of a household and has been treated even with more deference outside the family. The second category is a social seniority: greater social status of a prince over a nobleman, a nobleman over a peasant etc., but also a more skillful warrior or shepherd over less skillful. A guest has been treated as having higher status than the host. These categories are reflected in complex etiquette rules. In Soviet times these rules were extended to new positions of social seniority: to a chairman of a collective farm, to a secretary of the party committee etc.